

Фаминцын Александр Сергеевич

**Древне-арийские и древне-
семитские элементы в обычаях,
обрядях, верованиях и культах
славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А46

А46 **Александр Сергеевич Ф.**
Древне-арийские и древне-семитские элементы в обычаях, обрядах, верованиях и культах славян / Фаминцын Александр Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 48 с.

ISBN 978-5-519-78654-6

ISBN 978-5-519-78654-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вѣсть о которомъ служить утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,
 Распахнитесь, да бѣлы саваны!
 Отвалитесь, да ручки бѣлыя,
 Отъ ретива, да отъ сердечушка,
 Разожмитесь, да уста сахарныя!
 Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,
 Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...
 Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,
 Со бѣлова лица ржавщину...
 Ты послушай-ко, родимый батюшко,
 Горе-горькихъ нашихъ пѣсенокъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе нашп батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горючей слезой! Али вамъ, родненькимъ, встосковалось по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ... Ужъ вы, наши родненькіе, взгляните-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшите словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чистоязыческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамиліное родство. Понятно, что корень общихъ славянскимъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религіозныхъ понятій и обрядовъ и какъ скептически и враждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если оно способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религіозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ онъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года, или съ извѣстнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодействія, то такая общность даннаго обряда говоритъ въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія внѣшнихъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и расселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блещущее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловить каждый лучъ солнца, согревающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое міоологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

на солнце перенесены многія черты и свойства, въ древнія времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнился холодною сыростью, лютыми вьюгами и морозами. На югѣ человѣкъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явленія окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ, какъ святыню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человѣка вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покоряемыми даннымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе имъ новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразнѣе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ большія видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсенъ, обрядныхъ изреченій и пр. Послѣднія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайно живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсенъ. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія.

заговоры, поговорки и пр., къ первоначальному ихъ источнику, къ возстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Языческія преданія и вѣрованія или суевѣрія славянъ, и нынѣ еще преисполняющія ихъ жизнь, какъ увидимъ ниже, находятся въ тѣсной связи съ вѣрованіями и преданіями древнихъ народовъ и при томъ не только арійскаго племени, на что неоднократно было уже указываемо изслѣдователями, но и семитскаго, на что еще мало было обращено вниманія. Нити, связующія данные преданія, вѣрованія и сопряженные съ ними обряды во многихъ случаяхъ могутъ быть прослѣжены въ глубокую даль минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а потому возникновеніе ихъ должно быть отнесено къ этой далекой старинѣ или даже ко временамъ еще болѣе древнимъ. Многія черты языческо-религіознаго міровоззрѣнія и обрядовъ славянъ естественно и вразумительно объясняются древними памятниками восточныхъ народовъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ онѣ непременно были заимствованы изъ тѣхъ именно народовъ, въ сохранившихся болѣе или менѣе случайно памятникахъ которыхъ онѣ находятъ себѣ разъясненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторяющіяся въ древности и въ новѣйшее время черты народной жизни, обычаевъ, повѣрій могутъ быть возводимы къ одному, общему, древнѣйшему источнику—многовѣковой практикѣ первобытной жизни человѣчества: въ эту доисторическую эпоху должны были сложиться въ азіатской колыбели народовъ арійской и семитской семей основные элементы такъ называемой житейской мудрости этихъ народовъ, порождавшей извѣстныя религіозныя представленія и вѣрованія, извѣстные жизненные правила, обычаи и обряды, основной смыслъ которыхъ нынѣ, при значительно измѣнившихся условіяхъ жизни и взглядахъ народовъ, нерѣдко оказывается уже утраченнымъ изъ народнаго сознанія, но онъ не утратился для человѣчества, такъ какъ успѣлъ фиксироваться въ твореніяхъ писателей минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій. Въ другихъ случаяхъ возможны непосредственныя или посредственныя заимствованія однимъ народомъ отъ другого. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены, напр., рѣзко выдающіяся черты религіознаго быта и культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ, обнаруживающія сильныя, въ данныхъ случаяхъ прочимъ славянамъ несвойственныя, вліянія семитскія и малоазійскія.

1. ОБРЯДНЫЕ ОГНИ.

Во многихъ мѣстахъ Малой и Бѣлой (отчасти и Великой) Руси существуетъ обычай на праздникъ Ивана Купала, т.-е. въ пору *высшаго солнцестоянія*, зажигать на горахъ и поляхъ *костры*. Обычай этотъ искони распространенъ не только среди и другихъ славянскихъ народовъ, но и вообще во всей западной Европѣ. Независимо отъ этого, почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый на противоположномъ полюсѣ годового круга, т.-е. въ пору *низшаго солнцестоянія*, возжиганіемъ *огней*. У южныхъ славянъ наканунѣ Рождества *сожигается* громадное *бревно*, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы во всю ночь на Рождество горѣлъ въ хатахъ *огонь*, мѣсто же южно-славянскаго бадняка заступила *солома*, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами въ Новый годъ. Воспоминаніе о возжигавшихся встарину на праздникъ Рождества (на „Коляду“) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мало-и галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напр., упоминается „чудо-чудное, *вогнемъ* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огневъ* усе святыѣ“, наконецъ, говорится о *плѣскѣ* кругомъ костра:

„Тамъ же горитъ терновый *огникъ*,
Коль *огня* ходитъ широкій танецъ“.

Въ Великой Руси, напр., въ Саратовской губ., *сожигаютъ* наканунѣ Новаго года на улицѣ огромный ометъ *соломы*, называемый „Костромой“; въ Курской губ. наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ* навозъ на дворѣ. И въ великорусскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи рождественскихъ костровъ, напр., по словамъ такой пѣсни, въ лѣсахъ дремучихъ „они *горятъ* великіѣ“; другая колядка, записанная въ Саратовской губ., начинается словами: „за рѣкой *огонь* *горитъ*“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай *сожигать* на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, *бревно*, носящее въ разныхъ мѣстахъ разныя названія, напр., во Франціи — *souche de Noël, calendeau* и т. п., въ Германіи — *Weihnachstblock*, въ Англіи — *Yule-clog*, въ Швеціи — *Iula-brasa*; въ сѣверной Италіи данный обычай называется: „*arder il serro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обря-

дахъ или, по крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ уцѣлѣли остатки общаго вѣсѣмъ населяющимъ ее народамъ, а слѣдовательно, несомнѣнно весьма древняго обычая—*возжигать они въ праздники высшаго и низшаго солнцестоянія*, и небозашибочно будетъ искать корни ихъ въ представленіяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшей цивилизаціи.

По представленію древнихъ аріевъ, огонь (*Аgni*) низошелъ на землю съ неба въ видѣ молніи. И земному, и небесному *огню* воздавались *божескія почести*. Въ ведійскихъ гимнахъ огонь именуетъ повелителемъ вселенной, мудрымъ царемъ, также отцомъ, братомъ, сыномъ, другомъ человѣка. Постоянно проявляется здѣсь *благодѣтельное* по отношенію къ человѣку *дѣйствіе огня*, какъ возносителя жертвоприношеній къ богамъ, какъ разителя и губителя враговъ, какъ собирателя семьи у домашняго очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенія, съ другой стороны, огню приписывалась *очистительная сила*: отсюда обрядъ сожиганія мертвыхъ у древнихъ индусовъ, посредствомъ котораго умершіе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такую же *очистительную, возрождающую* къ новой жизни силу приписывали огню и семиты; но, кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, находившемся, по ихъ представленію, въ высшей небесной сферѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго, всепожирающаго лѣтнаго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи, заразы и т. п., и придавали, слѣдовательно, огню не столько *благодѣтельное*, сколько *страшное, тѣмное, яростное, всепоглощающее и истребляющее* значеніе. Въ книгахъ ветхаго завета неоднократно находитъ себѣ выраженіе такое представленіе огненной стихіи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небеснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величіи царитъ Владыка вселенной, карающій и сокрушающій пламенемъ, ниспосылаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Даніилъ въ видѣніи своемъ видѣлъ „Ветхаго днѣми“, возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ „какъ *пламя огня*“. „Отверзлись небеса“ пишетъ прор. Іезекіиль, „и я видѣлъ видѣнія Божія..: великое облако и клубящійся *огонь* и *сіяніе* вокругъ него, а изъ середины его какъ бы *свѣтъ* *пламени изъ середины огня*, и изъ середины его видно было подобіе четырехъ животныхъ... и видъ этихъ животныхъ былъ, какъ видъ горящихъ углей, какъ видъ лампадъ; *огонь* ходилъ между живот-

ными, и *сіяніе отъ огня и молніа исходили отъ огня*“. Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ *небеснаго огня*: „Господь Богъ твой есть *огонь поядающій*“; „познайте могущество мое“, говоритъ Господь... „кто изъ васъ можетъ жить при *огнь пожирающемъ*, кто изъ васъ можетъ жить при *вѣчномъ племени*?“ Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его *огонь поядающій*“. Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ ветхаго завета; Іегова — по-истинѣ *огненный Богъ*, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ семитскихъ народовъ. Ассирійскій богъ огня *Адаръ* (всличаемый иногда и эпитетомъ Маликъ-Молохъ) такъ характеризуется на древнихъ надписяхъ: „богъ, *освѣщающій народы и солнце*“, „*свѣтъ боговъ*“, „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежниковъ, царь желѣза“, словомъ, какъ представитель войны, символомъ которой въ древности неоднократно служилъ огонь. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикіи, грозный представитель огня носилъ названіе *Молохъ* (Малахъ, Молахъ). Культъ его характеризовался приношеніемъ ему въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ), *предававшихся пламени*. Обычай *сожиганія людей* въ честь Ваала-Молоха перенесенъ былъ финикіянами и въ Кароагенъ, а оттуда — въ Сардинію, главнѣйшую Кароагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частью повторялись періодически, частью обуславливались особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли, соотвѣтственно тому, характеръ то умиловительный (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтны или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, *Сета*, или *Сутеха* (*Тифона* греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т.-е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, въ культѣ Друидовъ, по словамъ греческихъ и римскихъ авторовъ, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе семитскаго культа Молоха; сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры, пустыя внутри; онѣ наполнялись *живыми людьми*, иногда *людьми и животными*, и *сожигались*.

Нельзя не видѣть остатковъ этого древняго семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ

возжиганіе ивановскихъ костровъ. Во Франціи встарину *сжигались на ивановскомъ костръ живыя кошки или лисичи, заключенныя въ корзинкѣ или въ мѣшкѣ*. Въ Пиринелхъ еще недавно существовалъ, а можетъ быть, еще и нынѣ существуетъ обычай *сжигать на ивановскомъ огнѣ живыхъ змѣй*. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшеными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе ханнапскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе древняго семитскаго обычая представляетъ *сжиганіе на ивановскомъ костръ костей мертвыхъ животныхъ* (во Франціи) или *лошадиной головы* (въ Германіи). Въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о *сожженіи* („испеченіе“) *на ивановскомъ костръ* („сobotкѣ“) *слѣпой кошки*:

„Долишняне! горишняне!

Сходьтеся до насъ на sobотку,

Спечемъ вамъ слѣпу котку“.

Въ Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошедшемъ столѣтіи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ *сжигали на костръ бѣлаго пѣтуха*. Эсты бросаютъ въ огонь ивановскаго костра *разныя предметы* (камни, куски дерева, прутья и т. п.), въ качествѣ *жертвенныхъ даровъ огню*, произнося при этомъ: „мнѣ лень, огню—сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются *жертвенными* огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносятся въ даръ живые и не живые предметы, они у славянъ болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенный характеръ, а приобрѣтаютъ предпочтительно *символическое* значеніе, служа какъ-бы *эмблемой небснаго огня*, уничтожающаго и пожигающаго расцвѣтшую весною природу: у славянъ на ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево («маикъ») или соломенная кукла («Марена», «Купало» и т. п.), или цвѣты и вѣйки, служащія символами божества весенняго плодородія (ср. мой очеркъ: «Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ». Вѣстникъ Европы 1895 г. іюнь и іюль). Самый огонь ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носитъ въ

народѣ характеристическія названія: «живой огонь», «царь огонь» (Новгородск. губ.), «божій огонь», «небесный огонь» — «Himmels Feuer» (въ Швабіи), и даже «средо-лѣтній Ваалъ» — «Midsommersbaal» (въ Даніи).

Я упоминалъ уже выше о томъ, что древніе народы какъ арійскаго, такъ и славянскаго племени приписывали огню вообще *очищающую силу*. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у славянъ распространень обычаи *проводить скотъ черезъ пламя костровъ* (не только ивановскихъ, но и масленичныхъ, пасхальныхъ) и *скакать черезъ ивановскіе костры*, съ цѣлью обезпеченія себя отъ погубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ европейскихъ народовъ, съ тою же цѣлью очищенія. Во Франціи не только *скачутъ черезъ огонь* взрослые, но *переносятся* черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди *скачутъ черезъ огонь*, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки *переходятъ черезъ пламя костровъ* въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. И шотландцы *переносили черезъ огонь* дѣтей. Въ Греціи женщины, *прыгая черезъ ивановскіе костры*, восклицаютъ: «избавляюсь (т.-е. очищаюсь) отъ грѣховъ». Обычай во время скотскаго падежа *зажигать огонь* посреди скотнаго загона и *проводить черезъ него скотъ*, съ цѣлью предохраненія его отъ заразы, былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуя книги ветхаго завѣта, напр.: «не долженъ находитьсѣ у тебя *проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь*». Сыны израилевы, впадая въ идолопоклонство, поклонялись Ваалу и «*проводили сыновей своихъ и дочерей своихъ черезъ огонь*». Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ остался еще неразъясненнымъ, было ли цѣлью этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или символическое выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго

солнцестоянія, прежде всего представляетъ символъ небеснаго огня, источника лѣтнаго зноя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ западной Европѣ), какъ уже было замѣчено мною раньше, огню этому приносятся жертвы, въ другихъ (преимущественно среди славянъ) онъ, какъ эмблема небеснаго огня, пожираетъ символы божества весенняго плодородія. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая здоровье, плодородіе и благополучіе.

Эта послѣдняя, именно *очистительная* и въ то же время *возрождающая, живительная сила огня* преимущественно находитъ себѣ выраженіе въ обрядныхъ *огняхъ*—*рождественскомъ* или *новогоднемъ* и родственныхъ ему *весеннихъ*. Южно-славянская рождественская пѣсня воспѣваетъ стараго бадняка и молодого божича. Старый «баднякъ»—дубовое бревно, сгорающее наканунѣ Рождества—*возрождается* въ образъ молодого божича, представителя даннаго праздника. «Кострома», у которой, по словамъ сопровождающей сожиганіе ея пѣсни, «головушка болитъ», словомъ, больная въ зимнюю пору богиня, сгорая на рождественскихъ святкахъ, очевидно, *возрождается* посредствомъ огня и является позже представительницей весенняго плодородія, въ пору зноя опять погибающей и оплакиваемой (ср. «Богиня весны и смерти»). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и весьма распространенный въ разныхъ мѣстахъ Европы обрядъ сожиганія (или потопленія) въ весеннюю пору пучковъ соломы, чучель (Марены, Смерти) и т. п., заключающійся встрѣчей и привѣтствованіемъ возродившейся весны (ср. тамъ-же). Обряды *возжиганія костровъ*, какъ выраженіе *самосожженія*, съ цѣлью *возрожденія*, героевъ и героинь древнихъ мифовъ, мы находимъ у народовъ семитскихъ: такъ, въ Тарсѣ (въ Киликіи) черезъ каждыя пять лѣтъ праздновалось торжество въ честь Сандана, при чемъ *сожигалось на костръ его изображение*. Санданъ, киликійскій Гераклъ, по выраженію Вебера, «посредствомъ *самосожженія* побѣждаетъ враждебныя ему силы и *возрождается* къ новой жизни очищеннымъ и юнымъ; подобно ему и Сарданапаль, по вѣрованію семитскихъ народовъ, *изъ пламени пожравшаго его костра* выходитъ *героемъ, полубогомъ*». Отправлявшійся финикіянами въ Тиръ ежегодно праздникъ въ честь пробуждающагося отъ зимняго сна солнечнаго героя Геракла-Мел-